VISIT…

LANZAROTE Caliente.COM

Михаил ЛУКАШЕВ
Система "САМ"
статья опубликована в журнале "Русский стиль" N2/94

Когда говорят о послевоенной разрухе начала двадцатых годов, то представляют полузатопленные шахты, поросшие травой заводские дворы, искалеченные, ржавеющие в тупиках паровозы. Но наследство шести тяжких военных лет этим вовсе не исчерпывалось. Война калечила не только железо. Еще никогда в стране не было такого количества профессиональных преступников. Щедро раскиданное войной оружие оседало в их руках.

Бесчинствовали недобитые банды разнокалиберных батек, всех этих "Ангелов", "Огальцов", "Марусь". В лесах оседло обитали "зеленые" - диковинный анархистский конгломерат уголовников в бегах и дезертиров. Да и не только леса становились бандитской вотчиной. Надежно скрытые, затерянные в бесчисленных переулках крупных городов вовсю процветали воровские "малины", где до поры до времени уголовники тоже чувствовали себя довольно уютно.

В свое время одним из прекраснодушных, но не слишком мудрых жестов Временного правительства стала всеобщая и полная амнистия, размашисто распространенная даже на самых опасных из уголовных преступников. После этого ветераны ножа и отмычки, все, даже самые закоренелые негодяи и убийцы, вновь оказались на свободе и, поощренные безнаказанностью, с новым пылом принялись за свое грязное ремесло. Бурные события гражданской войны не позволиил организовывать достаточно широкую и эффективную борьбу со всей этой публикой, а бесчисленные ватаки беспризорных стали для нее богатым резервом при вербовке подручных.

Хорошо вооруженные, крепко спаянные густо замешанном на крови авторитетом главаря, банды тех лет представляли большую опасность. Еще недостаточно надежно охранявшиеся тогда наши границы переходили не только жаждавшие наживы контрабандисты, но и связные заговорщиков, шпионы, террористы...

Борьба с преступниками велась отчаянная и беспощадная, она затянулась на много лет. И сколько раз оперативным работникам приходилось слышать короткий приказ: "Взять живым!"

Взять живым... А "брать" приходилось и увешанных оружием головорезов, и шпионов, вышколенных японскими профессорами дзюдо. Им нечего терять, на убийство они шли не задумываясь. Только мелькали лезвия бандитских финок и в глаза заглядывал дульный срез браунинга или нагана...

Очень нужны были в этих смертельных поединках простые, безотказные приемы обезоруживания и задержания. Но сегодня в основном только специалистам известно имя человека, которому довелось выполнять эту нелегкую и непростую работу: Виктор Афанасьевич Спиридонов.

Когда в начале шестидесятых годов я начал собирать материалы о Спиридонове, со смерти старого самбиста не прошло даже двух десятилетий, еще были живы многие его ученики, сослуживцы. Казалось, что поиски не должны встретить особых затруднений. Но так, к сожалению, только казалось, и нельзя было не подивиться, как безжалостно стирает иногда время даже следы недавних событий.

Из родственников Виктора Афанасьевича никого уже не оказалось в живых. После долгих розысков в архивах я получил официальное сообщение, что личное дело, заведенное на Спиридонова

как на работника "Динамо", было уничтожено в военном сорок первом. Человеческая память, увы, тоже несовершенна. Совсем по-разному рассказывали, например, о дореволюционной профессии Спиридонова три хорошо знавших его старых динамовца. "Я считал, что Спиридонов - капитан дальнего плавания", - уверенно сказал один из них. А другой с той же категоричностью: "Он же был полковником гвардии! Я точно знаю... Высокий - два метра роста, выправка отличная!" Третий, хотя и не мог дать точного ответа на мой вопрос, но твердо помнил, что Виктор Афанасьевич отлично умел... шить дамские ботинки ("Знаете, такие высокие, как в то время носили").

И хотя собирать материал приходилось по крохам, восстановить биографию Спиридонова все-таки удалось. Он действительно до революции был кадровым офицером. Но не полковником, и не гвардии. Служить начал рядовым, уйдя в армию с семнадцати лет - вольноопределяющимся, в современной терминологии - добровольцем. Получил унтер-офицерские лычки и был командирован в Казанское пехотное училище.

Юнкера еще осваивали тактику и фортификацию, кололи штыком чучело, а над Желтым морем у Чемульпо уже прогремели орудия "Варяга". В 1905 году в новеньких офицерских погонах Спиридонов отправляется туда, где разгорались сражения печально знаменитой русско-японской войны, в Маньчжурию. На долю свежеиспеченного офицера выпал совсем недолгий период фронтовой жизни, но, должно быть, у подпоручика была настоящая солдатская хватка: домой он возвратился с крестом Анны и Станислава.

Многие из тех, с кем мне привелось говорить о Викторе Афанасьевиче, считали, что именно тогда, в Маньчжурии, он и познакомился с джиу-джитсу. Иные утверждали даже, что Спиридонов, будучи раненным, оказался в японском плену и изучил боевые приемы. Не хотелось бы разрушать такую романтическую версию, но приходится сказать, что она не соответствует действительности. Виктор Афанасьевич был знаком только с тем вариантом джиу-джитсу, который оказался занесенным в Европу уже после русско-японской войны, в период мирового триумфа этой системы самозащиты. Время всеобщего увлечения джиу-джитсу отнюдь не прошло для Спиридонова даром. Был он человеком ловким и сильным, большим специалистом в военно-прикладной гимнастике, знал французскую борьбу, английский бокс и без особого труда основательно изучил японские приемы, хотя, вероятнее всего, пользовался при этом всего лишь описаниями в различных руководствах, изданных в России и за рубежом.

Несмотря на фронтовые заслуги, успехи Спиридонова по службе, как и у любого армейского пехотного офицера, провинциального "армеута", были невелики: истекшие десять лет приносят ему повышение всего лишь на один чин. С первых же дней мировой войны он снова на передовой. Вторая война для командира пехотной роты поручика Спиридонова закончилась в тот самый день, когда в бою под посадом Лашевым над его головой разорвалась австрийская шрапнель. Тяжело контуженный и раненый, он год провалялся в госпиталях, а потом был "уволен от службы с произовдством в следующий чин и награждением мундиром и пенсией". Пенсия, впрочем, была мизерной. И не в те ли голодные годы пришлось раненому офицеру научиться тачать дамские ботинки? Вообще у него была уверенная хватка хорошего русского мастерового: при случае мог починить водопроводный кран, брался и за другие слесарные работы.

Революцию Спиридонов встретил в Москве. Время было нелегким для бывших офицеров: в них видели потенциальных врагов, подозревали в измене. Отставному штабс-капитану пришлось почувствовать это на себе...

В девятнадцатом году он работает в Главном броневом управлении Красной Армии. А вскоре, оправившись от последствий контузии, становится преподавателем Московских окружных курсов инструкторов спорта и допризывной подготовки, одного из тех учебных заведений, которым суждено было стать родоначальниками советского спорта.

Среди многих дисциплин, изучавшихся курсантами, была также "защита и нападение без оружия". Должность главного руководителя по этому предмету занимал Виктор Афанасьевич. В те далекие годы спорт, и главное, его преподавание стояли на очень низком уровне, особенно в России, где физическая культура еще не успела получить достаточного развития. Но если почти в любом из культивировавшихся тогда у нас видов спорта уже существовал пусть небольшой, но тем не менее какой-то опыт, то в самозащите не было даже этого. Более того: алчная и невежественная орава самозванных знатоков джиу-джитсу коммерческого толка успела настолько скомпрометировать эту систему, что многие из спортивных специалистов уже просто не принимали ее всерьез. Многие, но только не Спиридонов. Бросавшиеся в глаза недостатки японской самозащиты не могли помешать ему видеть ее несомненные достоинства, понимать ее "рациональное зерно". И его не испугали ни сложность, ни объем работы, которую предстояло выполнить.

А начинать пришлось не то чтобы с нулевой отметки, а, если хотите, даже с отрицательной. Он вторгался в область, где все было неясно, а зачастую и намеренно запутано. Никакой методики преподавания не было и в помине. Да и какая там методика, когда единственное, с чем начинал Спиридонов - это пара десятков приемов, из которых далеко не все были достаточно надежны. Все, абсолютно все нужно было находить и решать самостоятельно: какие именно приемы он отберет и покажет курсантам, как объяснит, в какой последовательности построит обучение.

В экзотической японской системе иные приемы (рекламы ради) исполнялись только одной рукой. Другой же - следовало картинно подбочениться. Нет, не этому стал учить Виктор Афанасьевич своих питомцев. Уж кто-кто, а он-то отлично знал, что боевая схватка - это всегда и боль, и страх, и кровь. Позировать там уже не остается времени. Главный руководитель придирчиво отбирал только самые надежные и простые приемы, на которые можно было бы положиться в любой переделке. Этому правилу он будет неизменно следовать и в дальнейшем, в течение всех двадцати лет своей деятельности. И неудивительно, что просматривая современные руководства самообороны непременно встречаешь большее из того, на чем когда-то остановился Спиридонов. Хаос приемов, которые "профессора джиу-джитсу" преподносили своим ученикам, вскоре был с военной четкостью классифицирован. В рамках этой классификаии и в точном соответствии с ней были введены русские названия приемов, полностью и бесповоротно вытеснившие неудобную, сложную и совершенно бессмысленную в русской ерчи японскую терминологию. Интересно, что спиридоновская классификация тоже не утратила своего значения, а ряд введенных им терминов живет и в боевом, и в спортивном самбо.

Работа, конечно, велась, что называется, наощупь, почти вслепую. Далеко не все выходило гладко. Немало было ошибок, заблуждений. Да и могло ли их не быть при таких сложных условиях? Главное, что с самого начала Спиридонову

удается встать на тот путь, по которому пойдет развитие всего современного искусства защиты и нападения без оружия: создание новой, "синтетической" системы, составленной из лучших приемов уже существующих систем. И тогда, всего лишь по истечении второго года работы, у Виктора Афанасьевича уже были основания говорить о преподаваемых им приемах, как о "проверенных на опыте, в жизни, обучавшимися ранее лицами". А впоследствии он вспоминал: "Впадая в начале своей работы в ошибку при определении ценности тех или иных приемов в смысле применения их к жизни, мне, тем не менее, в 1921 году, благодаря практическому изучению, удалось осознать ошибку существовавшей в то время системы. В то же время детальное изучение всех приемов, имевших применение в нашей действительности, указало новый и, как мне кажется, правильный путь."

В 1922 году перед работниками службы правопорядка была поставлена задача - постоянно совершенствовать свое стрелковое искусство и физическую подготовку. Ведь эти качества не только входили в число слагаемых, обеспечивающих успех проводимых операций, но даже гарантировали в определенной мере жизнь чекиста в опасных ситуациях. (Если, конечно, вообще могли существовать какие-то гарантии при такой изнурительной и нечеловечески напряженной службе!) Созданное вскоре спортивное общество "Динамо", объединив в своих рядах спортсменов-чекистов, пограничников и милиционеров, приняло на себя солидную работу по выполнению поставленных задач. Естественно, что этому обществу, кроме всего прочего, предстояло возглавить работу в области такой специфической спортивно-прикладной дисциплины, как самозащита без оружия. И действительно, динамовская секция защиты и нападения вскоре стала общесоюзным центром по разработке техники, тактики, методики преподавания и пропаганде самозащиты. А начать всю эту деятельность и направлять ее в дальнейшем довелось, конечно же, Спиридонову.

Он был в числе самых первых спортивных специалистов, пришедших на работу в новорожденное общество. И наверное, это было наиболее закономерно. В 1923 году Виктор Афанасьевич являлся наиболее знающим, если вообще не единственным специалистом в своей области. Входил он к тому времени и в спортивный актив столицы. Все это, несомненно, предопределило его приход в "Динамо", но думается все же, что главная причина была иной. Как и прежде, на передний край Спиридонова вела сама логика его характера. Не даром же рассказывают, что этот бывший фронтовой офицер по собственной инициативе не раз участвовал в операциях по ликвидации воровских притонов вместе со своими учениками из угрозыска.

Скудность сведений о герое очерка заставляла меня обращаться даже к людям, мало его знавшим. Но зато это давало подчас интересную возможность взглянуть на обстоятельства с новой и неожиданной точки зрения.

Вообще, чем больше я узнавал о Спиридонове в процессе своих поисков, тем очевиднее убеждался, что человек это был редких и удивительных качеств. Подсчитав, что мне довелось беседовать о нем с доброй полусотней самых разных людей, я с удовольствием констатировал, что ни один из них не отозвался о Викторе Афанасьевиче неодобрительно. И это вовсе не было понятным желанием не говорить плохого о мертвом. Этакий венок жестяных цветов на могилу покойному. Вовсе нет! Вспоминали с большим уважением, искренней благодарностью. Во время мировой войны, бедствуя сам, он взял к себе из инвалидного дома бывшего денщика, тоже тяжело раненного. Растроганный солдат, ничем больше не имея

возможности выразить свою преданность и благодарность, в день по многу раз ваксил спиридоновские сапоги, доводил их до невероятного блеска и все рассказывал соседям: "Мой "ваше благородие" самый хороший! У него сапог должен блестеть во как!"

Бывшая соседка, совсем уже пожилая женщина, даже прослезилась, вспомнив такой случай. В голодном девятнадцатом году, отправляясь на службу, он увидел во дворе ее старуху-мать. Та сидела в уголке и горько плакала. А когда Виктор Афанасьевич спросил, что случилось, то услышал: "Ничего не случилось... Просто я очень хочу есть". Он молча отправился домой, а возвратившись, положил на колени старухи свою пайковую осьмушку хлеба... Выяснилось, что одного человека в самые тяжелые для того годы он определил на хорошую работу. Другому помогал готовиться к вузовским вступительным экзаменам по немецкому. Третьего (росшего без отца подростка) - воспитывал и помогал ему материально... Можно было бы долго перечислять такие вот факты, показывающие, что в Спиридонове оргаически воплотились благородные черты старого русского офицерства. Это был какой-то, может быть немного старомодный, но, поистине, рыцарь без страха и упрека...

Давным-давно заработавший пенсию динамовский бухгалтер общался с Виктором Афанасьевичем только по делу - оформление и выплата заработной платы. Но как раз от этого старика-бухгалтера я узнал об очень показательной черте спиридоновского характера.

С первых же лет существования "Динамо" его руководство исходило из жестких принципов самоокупаемости, не допуская того, чтобы спортобщество стало иждивенцем государства, испытывавшего в то время экономические трудности. Естественно, что финансовые возможности "Динамо" были ограниченными, а денег время от времени не хватало. И вот главный руководитель секции самозащиты был, оказывается, одним из тех фанатически увлеченных своим трудом тренеров-энтузиастов, которые нередко соглашались поработать месяц-другой без зарплаты...

Спиридонов получил теперь огромную всесоюзную аудиторию, очень внимательную и очень нуждавшуюся в его суровой науке. И Виктор Афанасьевич не обманул ее ожидания. Несмотря на неизмеримо возросший объем работы, он трудился со свойственной ему энергией и, как всегда, с полной самоотдачей. Обучает боевым приемам чекистов, арботников милиции, командиров и бойцов пограничных войск. Вручает им то самое "невидимое оружие", которое так было необходимо в их опасном труде. И не одному злоровенному бандиту случалось изумляться тому, что скрутил его невысокий, на вид слабосильный чекист.

Деятельность его в "Динамо" не только предъявляла новые возросшие требования, она давала еще широчайший простор Спиридонову для осуществления всех, даже самых смелых его планов.

Решить задачу преподавания самозащиты во всесоюзном масштабе можно было только вырастив сотни хорошо подготовленных инструкторов. И вот Спиридонов работает еще и над проблемой подготовки инструкторских кадров. Уже через несколько лет рядом с ним встала целая шеренга лучших его учеников, способных воспитывать не только рядовых самбистов, но и умелых преподавателей. Особенно выделялись двое из них: Д.А.Давыдов и М.И.Соломатин, которых Виктор Афанасьевич с благодарностью и уважением называл своими "постоянными помощниками в трудном и новом деле создания стройной системы самозащиты". Одна за другой выходят в свет три книги Спиридонова - об основных принципах его системы.

Секции самозащиты (как их тогда называли - группы самосовершенствования) начинают функционировать не только в московской, но и во многих динамовских организациях: в Ленинграде, Ростове-на-Дону, Свердловске, на Украине, в Сибири и Закавказье. Неугомонный патриот своего дела, Виктор Афанасьевич объездил всю страну, пропагандируя приемы самозащиты. Всегда очень охотно выступал в чекистских и милицейских клубах, в учреждениях и воинских частях. Превосходный рассказчик, он умел быть интересным для любой аудитории. А.А.Харлампиев, пришедший в "Динамо" после Спиридонова, вспоминает: "Пропагандист был очень хороший. Куда бы мне не приходилось выезжать, я везде встречал огонек интереса к самбо, зажженный в свое время Спиридоновым".

Виктор Афанасьевич ставил перед собой только практические цели: формирование системы самозащиты. Случилось лднако так, что именно эта система стала самым первым этапом создания в нашей стране нового прикладного вида борьбы в одежде, в котором разрешалось применение болевых приемов. Того вида, который мы сегодня называем борьбой самбо. Дело в том, что полученные на занятиях боевые навыки лучше всего закреплялись и совершенствовались в вольной схватке. "Состязание является как бы высшей степенью тренировки и последним этапом совершенствования бойца при изучении самозащиты", - такого было мнение Виктора Афанасьевича. И его ученики выходили на ковер в курточках, борцовских ботинках (а чаще - просто в гимнастерках и носках) и проводили учебные схватки. Ненароком появившийся вид спорта оказался очень интересным и увлекательным. Постепенно стали организовываться соревнования и даже первенства оп специально разработанным Спиридоновым правилам. Борцы разделялись на семь "весовых групп", а проведение болевых приемов допускалось не только как теперь, при борьбе лежа, но также и в стойке. Кроме того, использовались различные удушающие захваты. Все это, конечно, делало схватки сравнительно опасными и определяло высокие требования к хладнокровию, самообладанию спортсменов. "Состязающимся категорически воспрещается горячиться во время схватки, в каком бы темпе она не происходила", - предписывали правила и грозили нарушителям немедленной дисквалификацией. Стоит заметить, что это с наивной прямолинейностью сформулированное предостережение "горячащимся" вошло впоследствии и в самые первые общесоюзные правила борьбы самбо.

В феврале 1929 года впервые был проведен чемпионат московского "Динамо" по новому виду борьбы. В афишах, правда, для пущей общедоступности указывалось: "по джиу-джитсу". Из-за ограниченного числа участников первенство разыгрывалось только в четырех весовых категориях. И хотя считалось, что состязания эти закрытого типа, в течении всех трех дней пока проходили упорные схватки на ковре, спортзал Высшей пограничной школы и старый динамовский зал на Цветном бульваре были переполненными. Мастера самозащиты никак не могли пожаловаться на недостаток внимания со стороны болельщиков. Интересно, что еще за полгода до этого первенства ученики Спиридонова, к тому времени уже неплохие борцы, успели получить боевое крещение в первой и единственной в истории советского спорта международной встрече по джиу-джитсу.

В погожие осенние дни 1928 года вся Москва жила спортивной спартакиадой. На оживленных многолюдных улицах яркими пятнами горели красочные национальные костюмы посланцев всех республик. То и дело слышалась

иностранная речь: для участия в Спартакиаде в красную столицу прибыли рабочие-спортсмены многих стран.

В состав немецкой делегации вошли несколько специалистов по джиу-джитсу. Немцы выступали в московских парках с показательными схватками, демонстрируя молниеносные броски и неотразимые захваты. Японская система была тогда в новинку даже для задававших тон в спорте европейских стран. И конечно же, германских спортсменов очень удивило, что в далекой и все еще переживавшей трудности Москве оказались свои собственные мастера самозащиты. Да и не только оказались, но даже осмелились бросить им вызов. Однако самый большой сюрприз ожидал гостей впереди. Хотя они с чисто немецкой аккуратностью точно следовали всем предписаниям японских профессоров, московские парни сумели все-таки победить их в этой знаменательной товарищеской встрече.

Спиридонов тщательно согласовал с немцами условия встречи. Единственный оставшийся в живых участник этого исторического матча - почетный динамовец В.С.Харитонов - вспоминал, с каким волнением готовились они к состязанию. Борьба велась до первого удачного приема. Партнеры подбирались примерно равного веса. Состязались всего три пары - от легкого к более тяжелым весам. Первым из динамовцев вышел на ковер низкорослый энергичный Пронин и, несмотря на понятное волнение, сумел провести победный болевой прием. Вторым вступил в состязание Харитонов, чью внешне неторопливую манеру ведения борьбы товарищи в шутку называли "меланхолией". Этот "меланхоличный стиль" определил выигрыш его обладателя и победу всей советской команды. Все, что теперь могли сделать гости - это уйти от поражения "всухую", и они реализовали эту возможность: третий член динамовской команды - Василенко - ушел с ковра побежденным.

Тот стиль борьбы, с которым столкнулись в Москве германские спортсмены, хотя далеко еще не стал борьбой самбо, какой мы видим ее сегодня, но уже не был и японским джиу-джитсу в точном смысле этого слова. Восемь лет упорного труда Спиридонова не пропали даром. Этот человек не мог оставаться ортодоксальным копиистом. В нарушение основного японского канона, он стал смело использовать подсказанные жизнью варианты основных приемов. И если в джиу-джитсу господствовала спекулятивная аксиома "каждый прием и при любых условиях удается", то Виктор Афанасьевич разрабатывал способы переходов от неудавшегося - к следующему приему. Хорошо зная все достоинства джиу-джитсу, Спиридонов тем не менее никогда не был бездумным адептом этой знамнеитой системы. Его мнение категорично и недвусмысленно: "Искусстов самозащиты помогает одержать победу всеми имеющимися средствами, поэтому при самозащите нельзя придерживаться одной какой-либо системы, никогда не охватывающей всех многочисленных и многообразных положений при жизненных столкновениях, а необходимо использовать все полезное и из других систем, раз это ведет к победе". И Спиридонов смело вводит в практику лучшие приемы из вольной и классической борьбы, в том числе и опасные - запрещенные, берет на вооружение удары из английского и французского бокса, кропотливо отыскивает самобытные приемы, рожденные боевой и бытовой практикой. Отлично понимая, что любой прием "работает" только при необходимой быстроте исполнения, начинает (едва ли не впервые в практике вообще отечественной борьбы) хронометрировать время, затрачиваемое на их проведение. При всем этом он создает не некую абстрактную систему,

не самозащиту "вообще", а четко ориентированную именно на наши условия. По этой причине, в частности, оказались в основном безжалостно выброшенными излюбленные у японцев нажатия на "чувствительные точки". Значительно отличающийся от японского тип нашей одежды сводил на нет всю эффективность таких приемов.

И вот в результате многолетнего труда Спиридонова на свет появилась оригинальная система самозащиты, у которой общего с джиу-джитсу оставалось только название. От него, естественно, тоже пришлось в конце-концов отказаться. Свою систему Виктор Афанасьевич поначалу именовал просто "самозащиту". Впоследствие, отдавая дань модным тогда сокращениям, назвал системой "Сам". Но, вероятно, это название было не самым удачным. В среде спиридоновских учеников рождаются новые его варианты: "самоз", и, наконец, пришедшая на смену всем остальным звонкая аббревиатура "самбо" - "самозащита без оружия".

Но хотя предыстория самбо начинается именно со Спиридонова, сам он едва ли когда-нибудь задумывался об этом. Делом своей жизни он считал созданную им систему самозащиты без оружия "Сам". Для ветерана-динамовца эта система была как бы его личным вкладом в дело борьбы с преступностью.

Один из учеников Спиридонова рассказывал мне, что Виктор Афанасьевич умер прямо на самбистском ковре, когда в наиболее тяжелые военные годы обучал приемам наших диверсантов перед заброской их в немецкий тыл. Рассказчик называл город, где это якобы произошло. И хотя было все не так, хотя в действительности Спиридонов умер дома от неизлечимой болезни, но разве рождение такой вот легенды не показывало, что старый самбист, вопреки самой смерти, остался в строю, как солдат, навечно занесенный в списки своей роты.